

Сергей Сметанин

1966

Поэма о первой любви

Пролог

Весна цвела. Свет лил во все углы
В обычной однокомнатной квартире,
Где складываться начали — милы —
Мои воспоминания о мире.

Я жил у тётки с дедушкой моим.
Мне шёл тогда четырнадцатый что ли?
Легко учился в музыкальной школе,
А на баяне был неотразим.

Неплохо нам втроём, казалось, жить,
Забывая друг о друге понемножку.
Я должен был полы сегодня мыть,
Из овощного принести картошку.

Смешные цены были в это время —
Три пятак за целый килограмм!
Я дань отдам скворчащим беляшам,
Определённо, в следующей поэме.

О, винегрет! О, сырники! В меню!
Гуляш, окрошка, драники, пельмени!..
Я перед вами встал бы на колени,
Но своему герою не вменю.

Пусть по полу спокойно возит тряпкой,
Живёт без капитала и вранья,
Пусть ходит в школу с неизменной папкой,
Осознавая собственное "я".

Пусть тётка в дневнике его находит
Лишь то, чем возгордится вся родня.
Пусть в жизни у него, как у меня,
Лишь лучшее блистательно выходит!

I

Она жила со мной в одном дворе,
Как все, играла в баскетбол за школой
И по весенней, солнечной поре
Была такой же солнечно-весёлой,

Небесно и светло голубоглазой,
Красивее красавиц из кино —
Так ярко, что в глазах моих темно
Непостижимо становилось сразу.

Казалось, будто обликом она
Меня неслышно, внятно окликала,
Тревожащей загадкой полна,
Манила за собой и прогоняла.

Я даже (мне неловко вспоминать)
Подглядывал за нею из подъезда —
Пытался ту загадку разгадать,
Но было всё, ей-богу, бесполезно.

Ухаживать я просто не умел,
Об этом лишь мечтая осторожно:
Сводить в кино, нести портфель, возможно —
Подростковой фантазии предел.

События тянулись, не спеша,
Уроки в школе, музыка и книги —
Всё впитывала юная душа
[Витальным](#)¹, хлебным запахом ковриги.

Был несравненным каждый новый день
И свежим, и насквозь прозрачным воздух,
Порою мысли были набекрень
О космосе и настоящих звёздах.

То в Политех, то на [завод "СК"](#)²
Ходили на экскурсии всем классом.
Вела нас трелью школьного звонка
Судьба ширококлёшая с запасом.

Олимпиады, химия, труды,
Бассейны, танцев бальных искушение
Влекли в неутомимое движение
Философа, пока без бороды.

И сломанные лыжи, и коньки,
И караси с удачливой рыбалки...
И были эти мелочи не жалки,
Поскольку чувства были высоки.

Мне как-то надо девочку назвать.
Ну, скажем, Лена. Лена Кудряшова.
Я был влюблён в полнейшем смысле слова
И, видимо, не мог того скрывать.

Однажды одноклассник Игорёк,
С которым за одной сидели партой,
К себе моё внимание привлёк,
Изображая фокусника с картой.

И вдруг пообещал мне раздобыть
В подарок фотографию Елены.
Я клюнул на слова его мгновенно,
Не размышляя. Так тому и быть.

Три долгих дня обещанного ждал,
Но представлял подобное едва ли:
Меня немилосердно разыграли —
И фото Игорь детское достал.

Я взять его, конечно, отказался,
Совсем разочарован и уныл:
Я маленьких девчонок не любил —
С сестрёнкой младшей "горя навидался".

И далее пошло всё, как обычно:
Учёба, книги, музыка, мечты,
По общим меркам — скромно и прилично,
Без паники и лишней суеты.

В ту пору мы сдружились с пареньком,
Который жил площадкою пониже.
Учился он в училище речном,
Был по природе к реализму ближе,

И тоже был Еленою пленён.
Пусть и не так возвышенно влюблён,
Но понимал мои переживания,
Лирические думы и мечтания.

Мы с Александром были заодно:
Научную фантастику любили,
На Фантомаса, помнится, ходили,
Потом на Макса Линдера в кино.

Гайдая обожали мы всерьёз,
А денег на билеты не хватало,
Ходили подрабатывать на "ДОЗ"³ —
Кидать дровишки в кузов самосвала.

Давали за машину три рубля —
Ни воровать, ни вымогать не надо.
На эскимо, на плитку шоколада,
На что другое "вящей пользы для..."

У Сани (как его я называл)
Две маленьких сестрёнки, мама, отчим.
Обычная семья — не идеал,
Но и других не хуже, между прочим.

Он занимался плаваньем тогда,
По-доброму завидовал баяну,
Со слухом у него была беда,
Хотя совсем чуть-чуть, грешить не стану.

К нему "на телевизор" я порой
Захаживал и просто повидаться.
Мне было интересно с ним общаться,
Он был мне и товарищ, и герой.

Речник готовый без пяти минут,
А мне ещё учиться да учиться...
И не случайно в первый раз побриться
Одновременно мы решили тут.

Природная стыдливость промеж нас
Немногое оставила для тайны,
Но не были и знанья чрезвычайны,
Довольно непристойные подчас.

Нас улица не слишком увлекала —
Труд чаровал романтикой сильней,
И правда жизни больше волновала
Недостижимой стороной своей.

Мы жили в самой лучшей из всех стран,
Из всех существовавших на планете —
Её неизбалованные дети,
Где тайно был рождён большой обман.

Мы сами, чуть пораньше рождены,
Его почти никак не ощущали,
Но самый главный класс моей страны
Уже тайком от власти отстраняли.

И мог ли я тогда предполагать,
Что с нами лет за двадцать постепенно
Произойдёт такая перемена,
Которую рассудком не объять!

II

Дождливою порою, в сентябре,
В приталенном и светленьком пальтишке
Она легко являлась во дворе,
И трепетало сердце у парнишки.

Как трогательно могут задевать
Походка, хлястик, туфелька, причёска,
Что существуют врозь совсем неброско,
Но вместе — много больше, чем "на пять"!

Не это ли гармония сама —
Основа музыкального аккорда?
Я понимал её ещё не твёрдо
И оттого почти сходил с ума.

И к ночи представлял я, засыпая:
Сквозь этажи иду к её ногам,
Шепнуть: "Спокойной ночи, дорогая".
Тогда я доверял своим словам,

Баяну верил — в том, что он баян,
Румянцу верил — в том, что он румянец,
И в голове царил отнюдь не глянец,
А полный романтический туман.

Я многому сегодня знаю цену,
На годы и на мудрости богат,
Но чувства, что выходят на арену,
Дороже вряд ли стали бы стократ,

Когда б не шаг назад к капитализму,
Когда б душе не подступил финал
И то, что я любовью представлял,
Разбито злободневностью капризной.

Тогда же счастье в сердце ликовало,
Мы были вдохновенны и чисты,
По-матерински солнце пригревало,
И по-отцовски гладили кусты.

Я не сказал, какой зеленый город
Тогда нас окружал и брал в полон,
Про тополей и клёнов миллион
И миллион берёзок без забора.

В Европе и Сибири вы едва ли
Листвы такое скопище видали.
И, приходя на праздники в горсад,
Мы зрели достославный город-сад.

Дворец культуры где-то в месяц раз
Классической симфонии назначен,
Был рад и современности горячей,
Естественно вливающейся в нас.

И школьников там танцам обучали,
Собрав по три, как помнится, рубля.
Мы танцевали вальс и хали-гали,
Всё должное искусству уделя.

Держать себя учились постепенно,
А главное, из нашего двора
С девчонками туда ходила Лена —
Обманчивого случая игра.

О, я мечтал: я встану с нею в паре
И воспарю на небо торжества.
Предательски кружилась голова,
Почти не позволяя быть в ударе.

Что делать? Принимать ли бодрый вид,
Пытаться ли разыгрывать артиста,
Когда от вальса чуть ли не тошнит,
А музыка играет слишком быстро?

Представьте ураган противоречий,
Мальчишку разрывавший пополам.
К ней подойти? Легко, скажу я вам.
С ней танцевать? Не может быть и речи!

Никто не мог беде моей помочь:
Ни мудрый дед, ни ласковая тётя,
Ни друг влюблённый, как и я точь-в-точь,
Которого вы тоже не спасёте.

Я с ней на демонстрации хотел
В одном ряду поближе оказаться,
Почти совсем себя преодолел,
Но не посмел через толпу пробраться.

Потом, обратно топая домой,
И вовсе умудрился отличиться:
На лестнице троллейбуса стальной
Решил бесстыдно сзади прокатиться.

За то едва дубинкой по спине
Не получил от милиционера —
Сия предупредительная мера
Порядок обеспечила вполне.

Эх, осень! Раньше ты не так летела,
А приземлялась, медленно кружась,
Обратно возвращаясь то и дело,
На снег и послепраздничную грязь.

Весна мне больше нравилась тогда:
Пройти полегче можно по сухому
До музыкальной школы, снова к дому,
Где под сугробом — чистая вода...

Совсем как в раннем детстве на селе,
Куда меня тихонечко тянуло,
Где жизнь меня ничем не обманула —
Единственное место на Земле!

Где я родился, вспоминали, синим
И бабушка сказала: "Не жилец!"
Но мы её пророчество отринем,
Поскольку жив доселе молодец.

Как многие, рождён в пятидесятых,
Я голода и холода не знал,
Ни шубы, ни борща не избегал
И не держал фортуны в виноватых.

От детских хворей вовремя привит
И вовремя "заправлен" рыбьим жиром,
Чтоб не достал какой-нибудь рахит,
Я был готов к единству с этим миром.

Я был воспитан больше, чем здоров,
И был начитан больше, чем воспитан,
И, к радости советских докторов,
Хорошим отличался аппетитом.

Ну как такому парню не любить,
К изяществу душою не тянуться,
За прелестью не мчаться во всю прыть —
И с головой порой не разминуться!

Особенно в такие времена,
Когда была всеильною страна,
Когда весь мир за ней тянулся к свету,
Вздымая потребления примету.

Друзья, по воле бога или беса,
Любовь в века прогресса и регресса
Составлена, коль прочим пренебречь,
Из интереса, верности и встреч.

А если нет хотя бы одного
Из этого, то нету и всего.
Так, формулу невольню соблюдая,
Я первых встреч искал с тобой, родная!

III

Я интерес и верность описал,
А встреч пока что было очень мало.
Мне их, конечно, очень не хватало,
Но я их специально не искал.

Зато другим девчонкам иногда
Я нравился, похоже, не на шутку:
Невольные свиданья "на минутку",
Достойные смущенья и стыда...

Нам, к сожалению, нравятся не те,
Кому мы сами откровенно милы,
С которыми в душевной чистоте
Весь жизни путь прошли бы до могилы.

Частенько те, в кого мы влюблены,
Об этом даже не подозревают,
И искренне привлечь к себе мечтают
Других, волной любви увлечены.

Но то, что внешне просто, как в кино,
Бывает для подростка мудрено —
Напрасно ищут новые поэты
Об этом в гугле смелые сюжеты.

События неслись со всех сторон:
Пришёл тот час, и на квартиру тёте
Был проведён домашний телефон,
Весьма необходимый по работе.

Она была технолог, инженер
На крупной швейной фабрике советской,
Для нас — [эмансипации](#)⁴ пример,
Отнюдь не феминистской и не детской.

По мне же, был достоин королей,
Внедрения и культа на планете
Её оклад в сто пятьдесят рублей,
Как верный тон в фабричном высшем свете.

Итак, явился "классный" аппарат,
Сверкающий и звёздно-тёмно-синий,
Приятный и на ощупь, и на взгляд
Сплетением поверхностей и линий.

Дед полочку к нему соорудил,
Хватило места телефонной книге —
Источнику сомнительной интриги
(И кто в ней сам себя не находил!).

То в дивном, прошлом веке был венец
Всех информационных технологий —
Ах, уберите Ваш айфон убогий
И выбросьте компьютер из сердец!

И Саня мог с восторгом оценить:
Отныне он по праву нашей дружбы
Свободно мог по городу звонить,
Когда ему такое было нужно.

Мы физику стремились изучать,
Детекторный приёмник "сочинили",
Хотя на первый раз, чего скрывать,
Дверной звонок в итоге получили.

Да, в наши дни любой бы точно смог
В пятнадцать лет соорудить звонок,
Но это было всё ж назад полвека,
Ещё под управлением Генсека...

Крупнейший в мире самолёт "Антей"
Разил огромной массой своей
И мощью дерзновенного полёта
Внушал чрезмерно-правильное что-то.

Жаль, правильное нынче не в чести:
Без правил легче денежки грести.
Об этом нынче власти твёрдо знают
И через биржу скромно их качают.

Так вот. О телефоне. Как-то раз
Звонок в тиши нечаянно раздался,
И высоко пропел девичий глас:
— Андрюшу можно?
Я тотчас собрался:

— Я слушаю! — Привет! Не узнаёшь?
Я не узнал, хотя высокий голос
На Светкин был немножечко похож —
Девчёночья беспечность и весёлость.

Я Свету с Леной во дворе встречал,
Но не заметил, чтоб они дружили,
И на вопрос невольно промолчал.
— Ну, что молчишь? — Меня слегка дразнили.

Что должен был в ответ я говорить?
Понятно, дело было не в ответе:
Из мыслей о единственной на свете
С другими было нечего делить.

И голос продолжал болтать нелепо,
Но странное закралось чувство вдруг,
Как будто Лена слушает всё это —
Слепое ощущение, мой друг.

Любовью сердце вещее страдало,
Болело, изнывало под ребром
И грубо бросить трубку не давало,
Мешая делу кончиться добром.

Когда же разговор у нас прервался,
Я от терзаний чуть не изнемог,
А через день-другой опять раздался
Волнующе-загадочный звонок.

И снова я был искренне смущён,
Не по-мужски безвольно и нелепо:
Кому-то щебет — пареная репа,
Но не тому, кто по уши влюблён.

Давно известна истина в веках:
Влюблённые с другими на планете
Общаются на разных языках
И видят мир по-своему, как дети.

Тем временем приблизилась пора
Ансамбля в нашей школе музыкальной:
Подобран был квартет инструментальный,
И грянула совместная игра.

Бизе. Кармен. Блистанье увертюры,
Бравурный марш и праздничный настрой.
Я в ноты погружался с головой —
Искать закона для моей натуры.

О, как тогда я музыку любил!
Таинственные звуков излияния
Мне заменяли радости свидания
С одной той, кто был так чудно мил...

На радио мы предваряли хор,
И я (уж таково сносило крышу)
Гордился тем, что Лена может слышать
(А вдруг да!) мой лихой баянный вздор.

На всесоюзном радио (не сон!)
Я деда ждал торжественного слова:
По поводу полёта Комарова
Уж интервью хранил магнитофон,

Но Комаров трагически погиб,
И дед мой миру так и не открылся.
Он жил, служил, учился и женился,
И доброй славы тоже не отшиб.

Одну медаль принёс с работы в дом
За мирный вклад на фронте трудовом.
Был инвалидом и пенсионером —
Моим непритязательным примером.

Куда милее был мой добрый дед,
И времена, которые пронёс он,
Чем нынешний стабильный интернет
И завтрашнее утро под вопросом.

IV

Я дедушку всегда боготворил:
Он на пути на жизненном, тернистом,
Работал печником и котлочистом
И крупной стройки века пригубил.

Есть мост. Он через Белую ведёт
К Уфе из широко известной Дёмы.
И он, и дед мой за руку знакомы:
— Марш-марш вперёд! — шёл плотницкий народ.

Дед был слегка на Сталина похож:
Такой же крупный нос, усы седые,
Но более характером хорош,
Чем остальные все мои родные.

Заботливый отец детей троих
Живых, он горько четверых оплакал.
Лихой войне, ударившей под дых,
Увы, он отдал многое, однако.

И бабушка так рано умерла:
Она была лишь на шестом десятке —
Но всем троим, живущим не в достатке,
Образованье высшее дала.

(Самой же — расписаться было сложно:
С неграмотной крестьянки что возьмёшь!).
Обожествляли ум в краю безбожном —
Бесплатно обучали молодёжь.

Я позабыл о каверзных звонках.
И тут, как раз когда в гостях был Саня,
Незримым жаворонком в облаках
Трель прозвенела, тишину тараня.

И снова не смутиться я не смог,
В ответ на вызов что сказать не зная:
— Дай трубку мне! — включился мой дружок,
Здоровую решительность являя.

Я не могу сегодня повторить
Той грубости, что он сказал девчонке,
И пусть оно останется в сторонке,
Подробности, пожалуй, лучше скрыть.

Так телефонный завершён "роман",
И в голове моей, как прежде, школа,
"Приём в ряды" в райкоме комсомола
И трепетной влюблённости туман.

Да, с нынешнего опыта высот,
Его сопоставляя с предвоенным,
Я вижу: комсомол уж был не тот,
Со славою и подвигом нетленным.

Хотя значок, носимый на груди,
Мне предвещал немало впереди,
И я не стал бы тем, кто я сейчас,
Без тех идей, что пестовали в нас.

А в школе провели эксперимент —
Экзамены до срока объявили,
Заранее вопросы предложили —
И тут случился непростой момент.

Решила тётя знания проверить,
Дала мне наугад восьмой билет:
Военно-исторический сюжет —
Гражданская война раскрыла двери.

История разгрома Колчака —
Наместника английских интервентов.
Я ничего не выучил пока
И тут не заслужил аплодисментов.

Пришлось учебник заново листать,
В событиях детально разбираться.
Я с блеском мог в итоге рассказать
О том (как говорится, рад стараться).

Русская народная песня о Колчаке времен Гражданской войны

*Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский —
Правитель омский!*

И надо же! Произошло со мной
Позднее, на экзамене реальном —
По замыслам чудесно-идеальным
Билет достался именно восьмой.

Скажу, вперёд немного забегаю,
Что, поступая в университет,
Я тот же самый вытянул билет —
И помогла история родная!

Но, право, удивительней всего —
Год не истёк, как повторилось то же:
Я вынул на экзамене его же.
Какое-то — ей-богу! — волшебство.

Влюблённость не хотела проходить:
Меня всё так же волновала Лена,
То покидая сердце постепенно,
То продолжая вновь его щемить.

В тот год наш дом слегка был изменён:
Открыты клуб, спортсекция в подвале.
Там с интересом мышцы мы "качали"
По моде наступающих времён.

Там я услышал слово "культуризм" —
Так "бодибилдинг" раньше называли.
Из нас спортсменов делали едва ли,
Но здраво укрепляли организм.

А в клубе были шахматы, столы,
Настольный теннис, книги и газеты.
Пусть были помещения малы,
И мы не в джинсы рваные одеты.

Понятно, развлекались как могли,
Разыскивали шарики, ракетки —
Простых людей старательные детки —
И рвение к успеху берегли.

Я мог там Лену видеть и потом,
Возможно, познакомиться поближе,
Хотя мне в это верилось с трудом,
Но сбыться мысли детские могли же!

И детство продолжало бить ключом,
Его ещё хотелось придержать бы.
Интриговали похороны, свадьбы,
Фантастика дразнила ни о чём.

Однажды я с балкона усмотрел
Башкирской свадьбы шумное движение,
На [хромке](#)⁵ плясовой сопровождение —
И сразу ностальгией заболел.

Башкирии бескрайние поля
Припомнились и всадники степные,
Желтеющие волны ковыля
И дальних гор отроги голубые.

Национальный праздничный наряд —
Нагрудник из монеток серебристых —
Всё радовало юношеский взгляд
Преданием воспоминаний чистых.

Совхозный, свежевостроенный клуб,
Разбитый парк с аллеями из клёна,
Сирень сплошной шпалерой зелёной
И собственный, выдавший виды чуб.

Здесь мы играли в прятки и войну,
А чуть позднее в футбол и вышибалы,
Здесь мальвы тихо кланялись окну
И лёгкая наивность процветала.

Здесь, прочитав о графе Монте-Кристо,
Я древний запах замка обонял
И сам себе шифрованные письма
С усердием великим сочинял.

Здесь летом я ходил по караси,
Зимой бродил по заячьему следу
И здесь, любого школьника спроси,
Торжествовал познание, как победу.

V

Я лето проводил в семье отца,
Он был директор мелкого лесхоза,
Что было для него совсем не проза,
И, как умел, воспитывал мальчика.

Кудрявый, ясноглазый и худой,
С улыбкой белозубо-молодой,
Был награждён и ранен был на фронте,
Шутил: "Усовершенствован в ремонте".

Была простой учительницей мать,
По вечерам тетради проверяла.
За свет (его немало нагорало)
Не надо было деньги начислять.

И я читал запоем по ночам
Островского, Катаева, Жюль-Верна,
Хотя избыток чтения, наверно,
Выводит нас из-под опеки мам.

Мне мама свет тихонько выключала,
Что, в общем, не мешало мне ничуть
С фонариком залезть под одеяло
И дочитать страницу, и уснуть.

В мечтах "про человека-невидимку"
Я пребывал в лирическом жару
И с толстой "Геохимией" в обнимку
Порою просыпался поутру.

Меня влекли свободой философской
Пока не Аристотель и Платон,
А пушкинский Онегин и Дубровский,
В которых был по-детски я влюблён.

Благодаря подобной дружбе с книгой,
Горячим чувствам к письменной строке,
Я шёл вперёд по жизни налегке,
Пренебрегая верою-веригой.

Но думать я об этом не умел,
Захваченный потоком важных дел,
Который, как у каждого мальчишки,
Увенчивали ссадины и шишки.

С утра привычно делал физзарядку,
Потом ходил к колодцу у пруда.
Блестящий ворот, цепь, ведро, вода
Давно не составляли мне загадку.

На коромысле летом два ведра,
Зимой во фляге по снежку на санках...
Ах, жизнь была прекрасна, как игра
Весёлая на солнечных полянках.

Одетый в пресловутый "самошток" —
Не зря у мамы швейная машинка
Растягивала куртке жизни срок,
И вот та куртка снова — как картинка!

Завидовала младшая сестра,
А друг Борис молчал недоумённо.
Я счастлив был тогда определённо,
Была такая славная пора:

Желанья предваряя, в Новый год
В совхозном клубе эрудит старинный
Выигрывал подряд все викторины,
И говорили сверстники:
— Везёт!

Коричневая плитка шоколада,
Серебряное "золото" фольги —
Заслуженная детская награда
Средь ёлочной и праздничной пурги.

Удача догоняла исподволь,
Изображая фарс и неудачу,
И космонавта сыгранную роль
Я вспоминаю и от смеха плачу:

По замыслу ракета пролететь
Должна была посередине зала,
Но, не покинув сцены, там упала,
Где и стояла, вяло, словно плеть.

Теперь же Новый год уже не тот:
Не так нарядна ёлка городская,
Не так таинствен солнечный восход,
Во двор зашедший, зрение лаская,

Не так сверкает снежная постель,
Не так в руке ломается сосулька,
Не так сладка, как прежде, карамель,
Не так румяна праздничная булка.

Не так правдиво старое трюмо
(Оно одно на то имеет право),
И радует одно лишь эскимо
Да тётушкино свежее какао.

А про одежду, что и говорить:
И брюки-клёш от доброго портного
Моднее куртки, перешитой снова,
Но легче ли соседа удивить?!

Поэтому к пятнадцати годам,
Когда в душе является серьёзность,
Нам грешная близка амбициозность
И лишний интерес к её плодам.

Но я, поверьте, не был гордецом,
Хотя и слишком скромным не казался,
С обычными уроками справлялся,
Короче, не ударил в грязь лицом.

VI

На летние каникулы в тот год
Летели мы на Ан-24 —
Надёжнейший советский самолёт,
Такой, каких и не бывало в мире.

Двух чашек кофе в аэропорту
Объёмом чуть поменьше полстакана
Мне с дедушкой хватило, как ни странно,
И "лайнер устремился в высоту".

В Уфе зелёной через два часа
Мы сели... в тот же час, когда взлетели.
Ну, это ли не чудо в самом деле?
Сменились часовые пояса!

Эх, детство! Сколько лет ни утекло,
Мне волшебство твоё, как прежде, близко
И сквозь твоё прозрачное стекло
На целый мир могу смотреть без риска.

Ты, ты, неповторимый идеал
С наивностью святой и взглядом чистым —
Я мудрой диалектики не знал,
Был бескорыстным материалистом.

Не понимал, зачем бывает ложь,
Зачем бывает долгая обида,
И длился день, приятен и хорош,
Как вечность, уходящая из вида...

Добром и лаской принимал совхоз:
Заветный парк высокою стеною
Вставал навстречу, и свой флаг вознёс
У дома тополь, выращенный мною.

Я бы ещё подробней рассказал —
В деталях, так, как у меня бывает,
Но авторство, увы, не позволяет
Непродуктивно отдалять финал.

Лукавый автор рамки создаёт,
Тайком свою навязывает повесть,
Творит, куёт, работает на совесть,
Под дудку любомудрия поёт.

Так мать её любимое дитя
Заботливо и нежно опекает
И не бранит за вольности, хотя
Не каждому поступку потакает.

Так светлый ум — хронографа оплот,
Заботясь о любви былой могилах,
Наружу грусти выйти не даёт,
Хотя сопротивляться ей не в силах.

Но разум мной руководил иль бес,
Смущённо отвернулись идеалы,
И вот на юный тополь я залез
Вырезывать Её инициалы.

С последней ветки чуть ли не упал.
Отец, увидев, тихо посмеялся,
Но вслух об этом только и сказал:
— Сам с дерево — на дерево забрался!

Понятно, я был мягко пристыжён
(Не всякий опыт жизни нам приятен)
И на такое впредь себя не тратил,
Зато морально стал вооружён.

Наверно, можно лучшее найти
Из груды дорогих воспоминаний,
Когда передо мной, как на экране,
Прошедшего картины и пути.

Типичный школьник, будущий студент,
Ни капельки сомнений не имея,
Что впереди прекрасная аллея
И счастья вечно длящийся момент,

Я думал о любви, как о весне,
О трепетном, идущем в небо древе,
Подснежнике на солнечном пригреве,
О всей моей безбедной стороне.

Я не слышал об этом от друзей —
Сосед Серёжка, сын ветеринара,
Великий читарь, Лермонтову пара,
Мне рассказал:
— Послушай, ротозей,

Ей-ей! Об этом говорят стихами,
Таинственными пишут письменами,
Есть о любви и песни, и кино,
Но всё понять не каждому дано.

И просто так живут на свете люди,
Без книжной романтической любви.
А ты, хоть двести сказок назови,
Возможно, у тебя её не будет.

Я слушал и не слышал, как чудак,
Желая сам с собою разобраться.
Не просто жить на свете просто так,
Когда вам от рожденья лишь пятнадцать!

Я жить хотел, как учат лишь поэты:
Возвышенно, достойно и светло,
Чего мне напитаться повезло,
Чего ловил невольные приметы.

Твардовский, Маяковский, Смеляков
Отсутствием эротики блистали
И подсознание чистым оставляли
От сексуально важных пустяков.

Да, дома (с глаз долой, из сердца — вон)
Я помаленьку забывал о Лене
И снова был охотник и герой
На мировой и сказочной арене.

Отец опять поехал в знойный Крым
Лечить с войны израненную ногу.
Бывало, мама выезжала с ним,
О детворе в душе храня тревогу.

Мы оставались с дедушкой. У нас
Довольно было дел и развлечений:
Дрова колоть, поймать синичку враз,
В пруду купаться без ограничений.

Для дела был готов в любой момент
Сработанный своими же руками
Столярный и слесарный инструмент,
И верстачок с чугунными тисками.

Мой дедушка вставал за верстачок,
Рабочий фартук поправлял на шее,
Учил держать, как надо, молоток
И направлять топорик половчее.

В чулане поджидал велосипед,
Удилища и для рыбалки снасти.
Да много ль в жизни надобно для счастья,
Когда у внуков есть хороший дед!

VII

Хочу просить читателя простить
За потаённый замысел поэмы,
Идею пресловутую раскрыть,
Убрать препоны в пониманье темы.

Я написать задумал о любви
И различать учился без обмана,
Как Пушкин, даль свободного романа
Пред памятью моею визави.

Я видел путь мальчишки-«мудреца»,
Прошедшего свои метаморфозы
Сквозь горький смех и сладостные слёзы,
И всё ж не потерявшего лица.

Стрижом ли промелькнёт на вираже,
Жар-птицей ли приснится в час желаний —
Любовь не завершается в душе,
А переходит в глубь воспоминаний.

Хотелось рассмотреть со всех сторон
Кристаллизованную увлечённость,
Понять её естественный закон
И дряхлого цинизма незаконность.

Тянуло самого себя понять
И женскую волнующую тайну
В душе, соединённую опять
С мелодией, возникшей так случайно.

В какой-то мере это удалось,
В какой-то ждал я большего успеха,
Но так сроднились дело и потеха,
Что, кажется, себя не мыслят врозь.

За эту, крепко взявшись, сердцевину
Я выведу повествованья нить
И памятную завершу картину,
Когда настанет время завершить.

Пока же час прощанья не пришёл,
Рассказ неторопливый продолжаю:
В то лето занимал меня футбол,
Как нынче всех, кого я только знаю.

Серебряников, Яшин, Шестернёв,
Численко, Поркуян и Хусаинов
Влетали, впечатления раздвинув,
Легендами обводок и голов.

Эйсебио светил издалека
Ничуть не хуже Месси и Роналду,
Направив бутсы мах наверняка,
Как кованую, тяжкую кувалду.

Так море бороздит могучий шквал,
Так степь пересекает вихрь сердитый —
Он так по краю поля пробегал,
Как будто вовсе не было защиты.

Но на баяне, занятый не слишком,
Я продолжал трудиться по часам,
Завидуя гоняющим друзьям —
Свободным от [арпеджио](#)⁶ мальчишкам.

Желая меньше соперживать,
Отвлечься от футбола хоть немного,
Стал на колене книгу раскрывать
Под гаммы, исполняемые строго.

И в становленьи русского таланта
Вполне катастрофическую роль
Сыграли "Дети капитана Гранта"
И старый Лир — шекспировский король.

Но в поле к футболистам то и дело
Душа моя свободная летела
По мягкой травке с кожаным мячом
На край земли с закатным кумачом.

Настенные часы вращали стрелки
Так слабо, их хотелось подвести,
Но время, как ты стрелки ни крути,
Увы, не поддаётся переделке.

Правители сегодняшней страны
С историей колдуют, как с часами,
Похоже, плохо понимая сами,
Зачем они стране моей нужны.

"Обогатись во что бы то ни стало!" —
Вот слоган неделимый, словно ртуть,
Таких и прежде множество бывало,
Скрывающих [токсическую](#)⁷ суть

За формою блистательно-живою,
За видимостью счастья и добра,
Которой мы не приняли с тобою —
Успела устареть ещё вчера.

Но попытаться я не премину
В порядке вдохновенного протеста
Спасти почти убитую страну,
Хотя бы на странице гипертекста.

VIII

В СССР превозносился труд,
Росла почёта каменная башня
Не для того, что вдруг её снесут
И разнесут... Не очень-то изящно.

Но славы был разрушен пьедестал:
Едва от пыли воздух стал свободным —
Достаток торгаша почётен стал
С названием его международным.

Моё!!! Предпринимательство в чести!
Хвала наживе грубой и безмерной,
Умению вкруг пальца обвести,
Предательской свободе лицемерной!

Везде к деньгам позорное влечение.
Хотя давно бы можно и понять,
Что без труда счастливым можно стать
Лишь временно, и то как исключение.

А честный труд, как первая любовь,
Питая душу, в сердце не ржавеет,
Здоровую к лицу приносит кровь
И на щеках румянцем розовеет.

Трудолюбивым исстари везёт,
Особенно при справедливом строе.
Так шли по свету все наперечёт
Мои несовершенные герои.

Мой дедушка из пенсии своей
В тогдашних "новых" семьдесят рублей
Платил за лучший облик не напрасно
И в модной шляпе выглядел прекрасно.

За всю-то жизнь ничем не торговал,
"Не ежился" на ярмарку с товаром,
Зато в рабочий мир пришёл недаром,
Где головой да силой рисковал.

Он был доволен собственной судьбой,
Советским строем и его законом,
Брил щёки, крепко пах одеколоном —
Спокойный и сознательный герой.

И я, его потомок, чуждый лени,
Далёк от кумовства и воровства,
Жестоких катастроф и преступлений,
Ловил его весомые слова:

— В народе говорят, мой милый внучек,
Я слышал, за учёного дают
Двух неучёных. А за спрос не бьют.
Не уважают только белоручек.

Тянись, брат. Те, кто вислыми бывают,
От жизни много горя принимают".
Седой наперсник игрищ и забав —
Мой дедушка был совершенно прав.

Ровесников от всей души любя,
Я, милый дед, не предавал тебя.
В СССР — предмете всех сердец —
Ты был мой абсолютный образец.

Легко ль представить в двадцать первом веке,
Что бабушку ты полюбил навеки
И верность, как иные чудаки,
Ей сохранил до гробовой доски.

Ты нравился душевной простотой,
Свободой делать верные поступки,
И слов твоих бесценные скорлупки
Дороже мне посуды золотой.

Я переколотил её немало,
Когда жене на кухне помогал,
И счастья мне за это перепало
Достаточно, как и предполагал.

За остальное я обязан деду:
Учил и находить, и достигать,
И дела, отведённого на среду,
До дождичка в четверг не задвигать.

И к чёрту в ад не лезу я заранее,
И душу очищаю в сей момент:
Когда умеешь исполнять желание,
Зачем тебе его эквивалент?

Без лишних слов и навыков парторга
Мой дедушка с детьми преуспевал:
Он за усы давал себя потрогать,
И тем успешно к миру призывал.

А что нам нужно было, кроме мира,
Того, что привлекает и зовёт,
В котором есть и страсть, и честь мундира,
Который нам покоя не даёт.

И мне не важен поиск виноватых,
Когда Гагарин смотрит из глубин
Тех легендарных лет шестидесятых,
Со мною дотянувших до седины.

Была. Была великая держава,
Бескрайняя советская страна,
Где мы на счастье все имели право
И где на нас надеялась она.

Что значит счастье? Счастлив весь народ,
Когда страна к могуществу идёт,
И будет он, естественно, не в духе,
Когда она в упадке и в разрухе.

Проста, ребята, истина, проста
Поистине такое ощущение:
Чем зеркала нежнее чистота,
Тем выглядит вернее отражение.

IX

Теперь о Лене надо рассказать —
Моей прекрасной пассии⁸ невинной,
В истории занятой и не длинной
Сердечные порывы передать.

Мы жили с ней на том же этаже
В одном огромном, современном доме,
Видались в школе, впрочем, чаще — кроме:
Был двор, а не проходы в гараже

Вдоль линий ипотечных⁹ иномарок.
Игре детей газгольдер¹⁰ не мешал,
Там волейбол извечно процветал
И день сиял безоблачен и ярок.

За столиком играли старики
В шестьдесят шесть и в домино стучали,
И мы с мячом, ей-богу, не скучали
От горестной заботы далеки.

Какой она красавицей была?
Из тех, что взгляд не сразу покоряют,
Но сердце постепенно привлекают,
Ведя на вдохновенные дела.

Конечно, отточив на людях глаз,
И бескорыстный опыт представляя,
Я это понимаю лишь сейчас —
Таким уж был наивненьким тогда я.

Она была моложе лишь на год,
Причём казалась года на два старше —
С какой-то хрупкой аурой монаршей
Брала моё сердечко в оборот.

Томительным восторгом обуян,
К высокому весьма предрасположен,
Я чувствовал себя как Д`Артаньян —
Задиристо-рассеян и тревожен.

Наверняка, ей было невдомёк
Моё смешное сказочное чувство,
И весело мне было или грустно —
Горел в глазах лучистый огонёк.

"Привет" ли говорила, или "здрaсте",
Иль мимо проходила между дел —
Она спокойно источала счастье,
И мир во мне взвивался и летел.

Я о семье её совсем не слышал,
Скорей всего — обычная семья,
И кто бы на балкон из них ни вышел —
Казались мне роднее, чем друзья.

Короче, это было не иначе,
Чем волшебством чарующей любви,
Восторгом молодой ещё, горячей
И многого не знающей крови.

Что делать с этим не соображая,
Я продолжал любить, учиться, жить
И в школу музыкальную ходить,
Куда пока вела тропа земная.

Ничто моей судьбы не омрачило,
Никто её испакостить не мог,
То было жизни светлое начало,
Надежды удивительный залог.

Казался мир старинным и бессмертным,
Давно прошедшей страшная война,
И времени звенящая струна
Томила предвкушением концертным.

Однажды в нашем клубе для детей,
В подвале, там, где в теннис мы играли,
Мы стулья для игры переставляли
В одной из развлекательных затей.

И Лена, веселясь, кружилась рядом,
Я на неё старался не смотреть,
Боялся потревожить лишним взглядом,
Готов был от восторга умереть.

И приключилось рядом с Леной сесть.
О, боже! Это выдержать? О, боже!
Остаться! Сохранить мужскую честь!
Но я с собою справился, похоже.

И как я не сбежал, не представляю,
О том стараясь виду не подать
И про себя одно переживая:
— Ну, как же мне с собою совладать!

Да, трудно мальчугану из совхоза
Привыкнуть сразу к жизни городской,
А прикоснуться к девочке такой
Хотя бы локотком — отнюдь не проза.

Бок о бок приземлился голубок:
Такое полусказочное диво!
Она была милее, чем цветок,
Причёсанная просто и красиво.

Когда б со мною был мой добрый ["ФЭД"¹¹](#),
Я попросил бы друга сделать фото,
И получил из прошлого привет,
Хотя бы для себя, не для кого-то.

Душа взлетала, падала опять,
В один поток сливались ощущения,
Короче, невозможно описать,
Как пережил безумный миг общения.

Сегодня с высоты прошедших лет
Взираю на несчастного героя,
Я сделал бы его смелее втрое,
Но в прошлое, увы, возврата нет.

К тому же в те года, скажу я вам,
Уж как бы ни манило нас веселье,
Мы скоро расходились по домам,
Далёкие от лени и безделья.

Так, не делясь на "чётких пацанов",
И "ботанов", как нынешние дети,
Мы верили в весну на всей планете —
И мир блистал, загадочен и нов.

Х

Я не застал традиций старины
Купеческой, церковно-православной,
И целью дней достойно-своенравной
Мы были широко увлечены.

Мы знали, что наступит коммунизм,
Закончатся грабительские войны
На Западе... И заживём спокойны.
Профессора сказали бы — [трюизм](#)¹²!

Газетами (в любой передовой),
Журналами (в любом киножурнале)
Бурлил и проливался труд живой,
И мы его безмерно почитали.

Мир и война, победа и беда,
Свершенья и предвиденья науки —
Всё измерялось мерою труда
И восхищало глаз, и жгло нам руки.

Не всё, конечно, было по плечу,
И юность не на всё была готова,
Но мы хотели жить "по Ильичу",
И что, скажите, было в том плохого?

Учиться "на четыре" и "на пять",
Заботиться и думать о народе?
Крестьян в полях, рабочих на заводе
За главное в Союзе представлять?

Единство этих простеньких причин,
Которое светло бродило в каждом,
Из нас творило женщин и мужчин,
Но, много прежде, — личностей и граждан.

Типичная поэзия труда —
Земного и небесного начала —
Пронизывала общество тогда
И песней в голове моей звучала.

Песня о тревожной молодости

*Забота у нас простая,
Забота наша такая:
Жила бы страна родная,
И нету других забот.*

Возможно ли подобное забыть?
Возможно ли самих себя не слушать,
Предательство прямое обнаружить,
Позор друзей и близких заслужить?

Мы все друг другу были как родня.
Как водится, в семье не без урода,
Иных влекла излишняя свобода,
Но проходила в три-четыре дня.

Зато сейчас нести свободны бред
И крайне редко то, что выше бреда.
Да здравствует мобильный интернет —
Всемирная, карманная победа!

Хотя не скрою, что тебе я рад,
Мой искренний, неведомый читатель.
Ты мне дороже премий и наград.
Что рейтинга глумливый показатель!

Что истины печатных пустяков!
Восторги "независимых" журналов,
[Сентенции](#)¹³ собраний и анналов,
И глупости надутых индюков!

На кой мне чёрт посмертный звездопад?
И прошлого претензий не приму я:
Что чище нежной песни бьющих в лад
Сердец, соединённых напрямую?!

Святую песню — соловьиный труд,
Души моей черёмушную вьюгу
Потомки справедливые зачтут
Как самую весомую заслугу.

Но тем мой [идиллический](#)¹⁴ удел
Определённо более приятен,
Что я и современникам понятен,
(Чего всегда, признаться, и хотел).

Пока же славы парус не восстал
И ни один ещё телеканал
На дерзкий слог поэмы не ссылался,
Каким я был, таким я и остался.

Легко обставил поколение "next",
Особых прав, не требуя при этом:
"Читайте первый в мире [гипертекст](#)¹⁵.
Сработанный лирическим поэтом!"

Я подлечу к вам звёздочкой в зените
И жаворонка песню обращаю,
Лишь об одном меня вы не просите —
В бессмысленном я смысла не ищю.

Другой бы начал, счастьем изувечен,
Из автора целителя лепить:
Мои стихи улучшат вашу печень,
Но прежде нам придётся бросить пить.

Умеренность руководит мужчиной,
Ведь он уже не резвое дитя,
Что в крайности бросается шутя,
Пренебрегая толком и причиной.

Я вовремя мою умерю страсть,
Собью плотнее ближних целей стаю,
Перелистаю, переставлю часть,
Об отдалённом тихо помечтаю.

XI

Нежней весенней яблони в цвету,
Прелестней, чем жасмина плеть живая...
В слезах любви я вижу красоту,
Зову, прощально руку поднимая.

Ещё не поздно ноты подобрать,
Мелодии волшебной уступая —
Гармонии ушла струя святая:
Мне этой пьесы больше не сыграть.

Пусть видится яснее, чем в кино,
Открытой книги древняя страница,
Увы, вернуть былого не дано,
И никогда оно не повторится.

Ну, что ж? Пора смириться с тем, что есть:
Историю мою вести к финалу.
Я, честно вам признаться, поначалу
И не мечтал так много произвести

Возвышенных любви воспоминаний
О времени, счастливейшем из всех
Периодов везений и стараний,
Мальчишеских занятий и утех.

Хотя и есть желанье рассказать
О жизненном пути через эпоху,
От "перестойки", надо понимать,
Ведущую назад, к царю Гороху.

Мы прошлому верны не потому,
Что счастливы мы были в годы эти,
Я с радостью отдал бы всё на свете —
Раздвинуть настоящего тюрьму.

Ярчайший миг меж будущим и прошлым
Мне Дербенёв явил довольно пошлым
А в жизни, полной, как [таганский](#)¹⁷ свет,
Без планов и историй смысла нет.

И вспомняв, как перекаати-поле
Неровным шаром гонит ветра шквал,
Я по степи катиться бы не стал:
Лететь мечтаю лишь по вольной воле.

По вольной воле буду продолжать
Достойное моё повествованье,
Покуда не смогу себе сказать —
Заветное исполнено желанье.

И лишнего в нём не было ничуть:
Ничьё впустую не задето имя
(Свои стихи, коль *правильно* взглянуть,
Нам никогда не кажутся дурными).

Читателю ж не надо двух попыток:
Какой размер стиха ни выбирай,
К добру не приведёт любой избыток —
Искусства не бывает через край.

Дрожу ли я в июльском, летнем зное,
Моржом ли пру из полыньи зимой,
Знать не должны далёкие герои,
Возникшие сейчас передо мной.

Андрюша, милый, где твоя Елена?
Дружище! Саня! Где же твой бушлат?
Шли постепенно и прошли мгновенно —
Тех лет уже давно за пятьдесят.

И даже если вы сегодня живы,
Как ветра прошлогоднего порывы,
Как бывшие на небе облака,
Мечта от вас предметно далека.

Романтика спасти сумеет нас:
Под крылышком её весь мир прекрасен
И сам натурализм не так опасен,
Такой, каким бывает он подчас...

В тот давний год весь двор увлѣк хоккей.
Я денег попросил себе на шайбу
И клюшку за четырнадцать рублей,
Козе понятно, далеко не лайбу.

Во дворик вышел. Шайбу погонял.
Какой-то мужичок, слегка поддатый:
— А ну пацан, мне клюшку показал!
Причины не ища замысловатой,

Слегка ударил сверху о ледок —
И надвое новинка развалилась.
На том душа со спортом распростилась.
А мужичок? — Нагадил да утёк.

Я даже огорчиться не успел:
Попал, как говорится, "под раздачу".
И вот через года смеюсь и плачу,
То время вспоминая между дел.

Подобный случай был уже со мной,
В семье совхозной, где мальчишек трое,
Я молча занимался сам собою
За креслом с книгой, толстой и большой.

Пришёл слегка подвыпивший отец,
Спросил с детей по заданной программе:
Рассыпал подзатыльников ларец —
И мне досталось, наравне с друзьями.

И не сказать, что жаль мне до сих пор
Бесценного затылка или шеи,
Но я хоккеем больше не болею,
И спорт навеки "выведен в офшор".

Что делать!? Знать, судьба моя не та,
Чтоб всех *быстрее, выше и сильнее*...
Баян певучий для меня роднее
И музыкальной жизни маята.

XII

Помеченное лучшей из мелодий
Отыщется не в годах, а в веках.
В тот день ты в клуб пришла на каблуках
И в юбочке коротенькой по моде.

Денёк обыкновенный и простой.
Незнобкая, осенняя прохлада
Да школьно-календарный выходной
Причиной были этого наряда.

Ты выглядела мило и свежо,
И, память мне ничуть не изменяет,
Смеялась бубенцово-хорошо,
Как иногда у девочек бывает.

Твой смех летал над теннисным столом
Листком полувесомым и свободным
И отзывался эхом благородным
В сердечке растревоженном моём.

И вдруг ты захотела поиграть:
Взяла рукою лёгкую ракетку
И стала подавать и отбивать
Летучий белый шарик через сетку.

Партнёром был известный местный "кент"
В коричневых и расклепанных брючках,
Держа ракетку по-китайски в ручках
Он улыбался, чувствуя момент.

Тут вновь не обойтись без слова "вдруг":
Твоя нога неловко подвернулась,
Скользнул невольно в сторону каблук,
Ты, падая, смущённо улыбнулась.

И как не заалеть твоим щекам,
Когда, минуя скромности законы,
На миг явилось к лицезренью нам
Совсем не то, что нравится влюблённым.

Возник и тут же кончился скандал,
Да кто посмел бы девочку обидеть!
Никто из нас и виду не подал,
Что видел то, чего не надо видеть.

Не помню, чем продолжился денёк,
Но с этого момента, как ни странно,
Я... раньше разлюбить тебя не мог,
А тут, как-будто вышел из тумана.

Нет, я не стал прилежней в много раз
Ни упражняться, ни учиться в школе —
Пособранней слегка являлся в класс,
Внимательней слегка. Чего же боле?

Готов себе сказать: "Вперёд, Андрюша!
Сегодня ждут великие дела!"
Был новый день, вчерашнего не хуже,
Жизнь, чуть помедлив, далее пошла.

Я больше размышлял об институте
И не одну фантастику читал,
Хотя её поток меня по сути
На тот же самый берег подверстал.

О Лене больше не было мечты,
Прости меня, прекрасная Елена!
Я знаю, чувство первое нетленно,
Но, улыбнись, того ли помнишь ты?

Того ли ты сама ждала, мечтая,
Кого, неважно, прав или неправ,
Судьбы иероглифика простая
Вдруг отдалила, рядом подержав.

И тут меня сомнение берёт:
Действительно ли эти отношения
Возвышенного чувства и сближения
Меня к тебе привязывали год?

Могла ли уложиться в этот срок
История любви, сердечной муки,
Томления и, наконец, разлуки,
Явившейся на роковой порог?

Но что ж тогда так бережно носил
Я в бедном сердце? Веришь ли, дружище —
Душа ещё живёт на этой пище,
И благородству я не изменил.

Нет, ничего не вымолвлю дурного
О первом чувстве, робком и земном,
Которое не повторится снова
Ни в этом мире, ни в каком ином.

Им Вечность отмечается средь нас,
Подобно ветра в море дуновению.
И рад, когда его хотя бы часть
Я подарить сумел стихотворению!

И рад хотя бы тень нести в крови
Подобной замечательной любви.
На пик святого чувства вознесён,
Я вижу мир, как бы со всех сторон.

Никто, ребята, не был виноват —
Таков итог простейшего суждения.
Чай выпит и доедено варенье,
И автор много лет уже женат.

Да, на другой. Он мирно жить горазд,
И дети у него, и внуков куча,
И жизнь идёт, как не могла бы лучше
Идти, поскольку бог другой не даст.

Его степенство песенки поёт
На пенсии по северному стажу
И время ощущает, как пропажу,
Которой он обратно не вернёт.

Эпилог

Мне возражает хор разноголосый,
Я завершаю пение моё:
Пусть сами тянут вечные вопросы
По жизни непростое бытиё.

Пусть лучшие закаты и рассветы
Сияют, как полсотни лет назад,
Пусть о любви друзья мои поэты
Слагают бесконечный стихоряд.

Припомню лишь: пятнадцать лет спустя,
В далёком, удивительном Сургуте,
В меня влюбилась дева, как дитя,
Беспечно уступив сердечной смуте.

Я был женатый, молодой поэт,
Член литобъединенья при газете.
Уж дома были маленькие дети,
Совсем недавно "вышедшие в свет".

Под Новый год однажды привлечён
На модный конкурс в женском общежитии,
Поэт за рифмы зримое развитие
Был бала королём провозглашён.

С тех пор, завидев в городе меня,
Она бросала дело и задание,
И шла ко мне, как агнец на заклание,
Очами глядя, полными огня.

Мне было далеко не по себе:
Держать девчонку в безраздельной власти,
Господствовать и в жизни, и в судьбе
Женатому — сомнительное счастье.

Томила ситуация такая...
Что делать, я решительно не знал,
Хотя порой Овидия читал,
Любви законы мирно применяя.

И вдруг пришло решение с утра:
При подходящем случае девице
В настольный теннис предложив сразиться,
Я... проиграл намеренно, ура!

Гипноз случайный будто ветром сдуло,
И тени не осталось от него.
Любовь корова языком слизнула —
Я счастлив был, добившись своего.

Так утром дети стряхивают сон,
Ступнями цифры в воздухе рисуют,
Так перед солнцем облака пасуют —
И рушится иллюзий бастион.

Ну, вот и всё. Закончено признание
В любви к Елене, жизни и стране,
Читателю — спасибо за внимание
И время, предоставленное мне.

(Конец)

Примечания

1. Витальный — Жизненный, относящийся к явлениям жизни.
2. Завод "СК" — Завод синтетического каучука.
3. ДООЗ — Деревообрабатывающий завод.
4. Эмансипация женщин — Предоставление женщинам равноправия в общественной, трудовой и семейной жизни.
5. Хромка — Двухрядная гармонь.
6. Арпеджио — Музыкальное упражнение в виде последовательного исполнения звуков аккорда.
7. Токсический — (спец.) Ядовитый, отравляющий, вредный.
8. Пассия — (из франц.) Страсть, чувство, любовь.
9. Ипотечный — Купленный с помощью кредита под залог имущества.
10. Газгольдер — Ёмкость газового хранилища.
11. ФЭД Фотоаппарат завода ФЭД (по имени Феликс Эдмундович Дзержинский).
12. Трюизм — Общеизвестная, избитая истина, банальность.
13. Сентенция — Краткое изречение нравоучительного характера.
14. Идиллический — Простой, мирный, безмятежный.
15. Гипертекст — Текст на основе языка разметки, содержащий нелинейные ссылки.
16. Таганский — Тюремный (по названию "Таганка" — тюрьма).

Сметанин Сергей Егорович

1966. Поэма о первой любви